

русский

пионер

16+

Нефть

№9(69) декабрь 2016 — январь 2017

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 8

первая четверть

Урок музыки. Музыка абсолютной свободы.

Игорь Сечин о том, что мы из джаза *стр. 18*

Открытый урок. Я ничего не знаю о нефти.

Константин Богомолов о нефти как таковой *стр. 20*

Урок экономики. Башни Трампа. Леонид

Крутаков про новый энергетический ландшафт *стр. 22*

Урок правды. Кронид. Марлен Хуциев о советском Джеке Лондоне *стр. 26*

Урок обществоведения. В Ногайской степи, как в горячей духовке. Эдуард Лимонов

про комок нефти, стянутый нестерпимой жарой *стр. 32*

Урок этики. «Матильда» и нефть. Алексей

Учитель про кино и углеводородную конъюнктуру *стр. 42*

Урок литературы. Sans titre. Дмитрий Быков

о романе с Нефтью *стр. 44*

Урок природоведения. Нефтяные караси.

Вячеслав Шпорт о своем крае *стр. 48*

Урок уроков. Сисястая недостаточность. Виктор

Ерофеев про смуглую черноволосую девочку Нефть *стр. 50*

Урок истории. Священные ресурсы. Андрей

Десницкий про экспорт сакрального *стр. 52*

Прогул уроков. Черная кровь земли. Диана

Арбенина о том, что нефть должна бить фонтаном, чтобы не стать водой *стр. 54*

вторая четверть

Пионер-герой. «Петромонагас», вход
в будущее. Специальный корреспондент «РП» на нефтяном
проекте в Венесуэле *стр. 60*

Дневник наблюдений. Ванкорские апельсины.
Обозреватель «РП» в передовом поселке нефтяников *стр. 68*

Следопыт. Чтобы не стать нефтью. Обозреватель
«РП» отматывает историю на миллионы лет назад *стр. 78*

третья четверть

Диктант. Нефтетворения. В тему номера *стр. 88*

Урок поэзии. Поэт Орлуша, трезвый, не по
пьянке раскроет все гостайны по нефтянке.

Стихи **Андрея Орлова (Орлуши)** *стр. 90*

Сочинение. Желтая нефть Тхукана. Рассказ

Майка Гелприна *стр. 92*

Комикс **Андрея Бильжо** *стр. 99*

четвертая четверть

Урок географии. След Petrolio. Шеф-редактор «РП»

Игорь Мартынов в поисках пропавшего первоисточника
стр. 104

Фотоувеличитель. Нефть и люди *стр. 112*

группа продленного дня

Правофланговая. Елки-вышки. **Оксана Бутман**

про концептуальную елку *стр. 128*

Правофланговый. Нефтенаносное. **Азер**

Мурсалиев про прогнозы и гипотезы *стр. 132*

Пионервожатый. Время нефти. **Юрий Грымов**

про «кровь земли» и ее клинический анализ *стр. 134*

Звеньевой. Похмелье нефтяного угара. **Кирсан**

Илюмжинов о двигателе человеческой цивилизации *стр. 136*

Завуч. Две жизни Максима Семенова. **Андрей**

Бильжо про ее запах *стр. 138*

Пионервожатая. Бобы с нефтью. **Екатерина**

Истомина о феномене итальянской кухни *стр. 142*

Центровой. Вкус бензина. **Даниил Квят**

про контролируемый адреналин *стр. 144*

Знаменосец. Здесь будет кровь. **Александр**

Журбин о том, что будет, когда кончится нефть *стр. 148*

Запевала. Бояться стала новостей. **Ольга**

Аничкова про малоизвестную актрису *стр. 152*

Отличница. Классика в черном. **Александра**

Ванюшина о своей любви к черному *стр. 156*

Барабанищик. Скважина разочарований.

Сергей Петров о том, почему певица Ньюша может спать спокойно *стр. 158*

Подшефные. Наша ректификация. **Волга**

и Катя Король про свой курс нефтехимии *стр. 162*

Горнист/Энотека. Мой Карибский кризис.

Вита Буйвид про «ладушкинских» *стр. 164*

Всегда готово. Вселенский плов. Николай

Фохт о главном блюде бакинских нефтяников *стр. 168*

Урок правды шеф-редактора. Подведение

ИТОГОВ *стр. 175*

Первая четверть.

Урок музыки. Музыка абсолютной свободы. **Игорь Сечин** о том, что мы из джаза. *Открытый урок.* Я ничего не знаю о нефти.

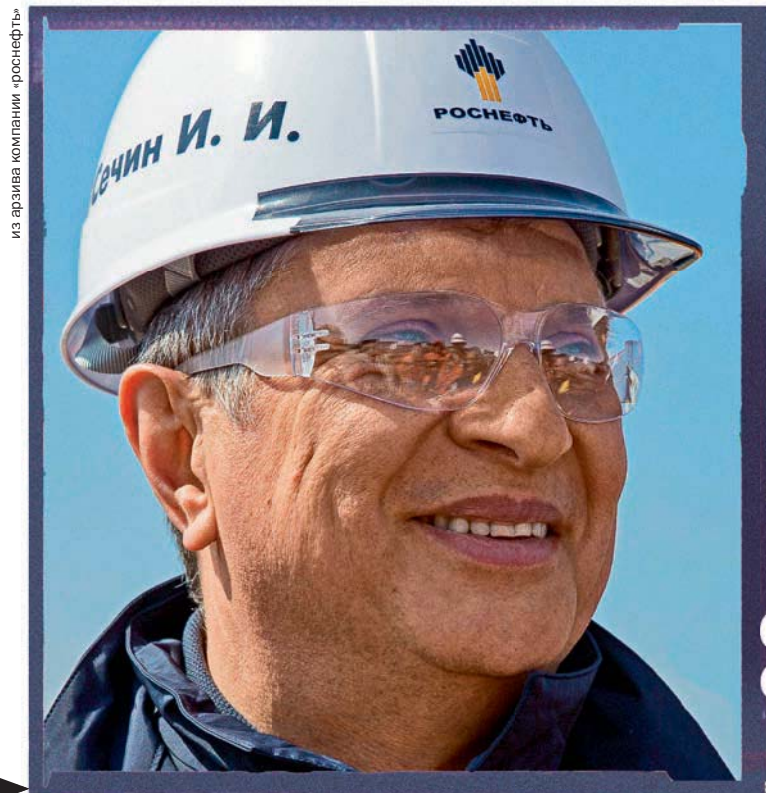
Константин Богомолов о нефти как таковой. *Урок экономики.* Башни Трампа. **Леонид Крутаков** про новый энергетический ландшафт.

Урок правды. Кронид. **Марлен Хуциев** о советском Джеке Лондоне. *Урок обществоведения.* В Ногайской степи, как в горячей духовке. **Эдуард Лимонов** про комок нефти, стянутый нестерпимой жарой.

Урок этики. «Матильда» и нефть. **Алексей Учитель** про кино и углеводородную конъюнктуру. *Урок литературы.* Sans titre. **Дмитрий**

Быков о романе с Нефтью. *Урок природоведения.* Нефтяные караси. **Вячеслав Шпорт** о своем крае. *Урок уроков.* Сисястая недостаточность. **Виктор Ерофеев** про смуглую черноволосую девочку Нефть. *Урок истории.* Священные ресурсы. **Андрей Десницкий** про экспорт сакрального. *Прогул уроков.* Черная кровь земли. **Диана**

Арбенина о том, что нефть должна бить фонтаном, чтобы не стать водой.

Музыка абсолютной свободы

текст: игорь сечин рисунок: нина кузьмина

Глава «Роснефти» **Игорь Сечин** не считает себя публичным человеком. И добыча колонки, которую вы сейчас прочтете, продолжалась семь лет. Сколько нефти с тех пор утекло... Не считал возможным делиться самым сокровенным.

КОГДА я слышу, как кто-то говорит: «Время уходит», в голове мелькает миллион дел и возможностей, на которые этого уходящего времени всегда не хватает. Мне, например, определенно не хватает времени на джаз. Помимо прочего. Эту музыку я слушал всегда, поэтому она и не музыка для меня давно, а жизнь и есть. Раньше слушал больше, теперь реже, но суть от того не меняется.

Есть очевидное, казалось бы, решение — слушать музыку в машине, раз другого времени порой просто нет. Но это не работает. В машине можно слушать новости, можно услышать кого-то по телефону, можно позволить себе не слушать никого. А вот джаз в машине не услышишь, так же как не услышишь самого себя. Джаз нужно слушать дома.

Когда я стал увлекаться джазом, точно не помню, но не помню не потому, что из головы вылетело, а потому, что это не важно. Важно другое. Самое главное в осмысленном джазе, как и в настоящей жизни, — импровизация. Но не предусмотрительная и профессиональная, а ранимая и раскрепощающая. Такая импровизация, будь то сцена театральная или концертная, сухой кабинет или наследный дом, — такая импровизация в любых условиях или условностях выглядит легко, не заставляет думать.

Если говорить только о музыке, то отмечу для тех, кому джаз знаком понаслышке, что этой музыке небезосновательно приписывают синкопированность и особый драйв. И то и другое правда, но больше дело техники, вернее сказать, дело рук исполнителя, даже в большей степени, чем дело таланта композитора.

О джазе можно говорить необоснованно и обоснованно много. Главное — проводить мыслимую черту и отдавать себе отчет в том, говоришь ты о музыке или о чем-то далеко за ее пределами. Так бывает с этой музыкой.

Для меня наибольший интерес сейчас представляют два контрастных направления джаза: кубинский джаз и японский.

Кубинский джаз я смело называю самым классическим и не перестаю наслаждаться великолепным оркестром Buena Vista Social Club.

Самое главное в осмысленном джазе, как и в настоящей жизни, — импровизация. Но не предусмотрительная и профессиональная, а ранимая и раскрепощающая.

История кубинского джаза так же длинна и удивительна, как история джаза американского. По некоторым данным, первый джазовый ансамбль появился на Кубе еще в 1914 году. Кубинских имен невероятно много в джазовых историях разных стран, городов и времен. Но удивительное дело: хотя кубинский джаз не что иное, как классика в ее первоначальном виде, на самом деле это совсем другой джаз. Кто знает, почему так хорош кубинский джаз, почему именно в нем все так, как и должно быть в джазе. Может быть, как обычно, все дело в политике и надежной защищенности острова Свободы от чужого, от новых веяний, которые просто не проникают туда. Сложно сказать. Да и надо ли...

Япония, напротив, показывает совершенно новые образцы джаза. Японские музыканты умудрились использовать новейшие технологии в таком, казалось бы, «ручном» деле, как джаз. Я не говорю о классиках: японском пианисте Макото Озоне или джазовом саксофонисте Садао Ватанабе.

Я имею в виду современный японский джаз с налетом электроники и национальными мотивами. Например, музыканты из Куото

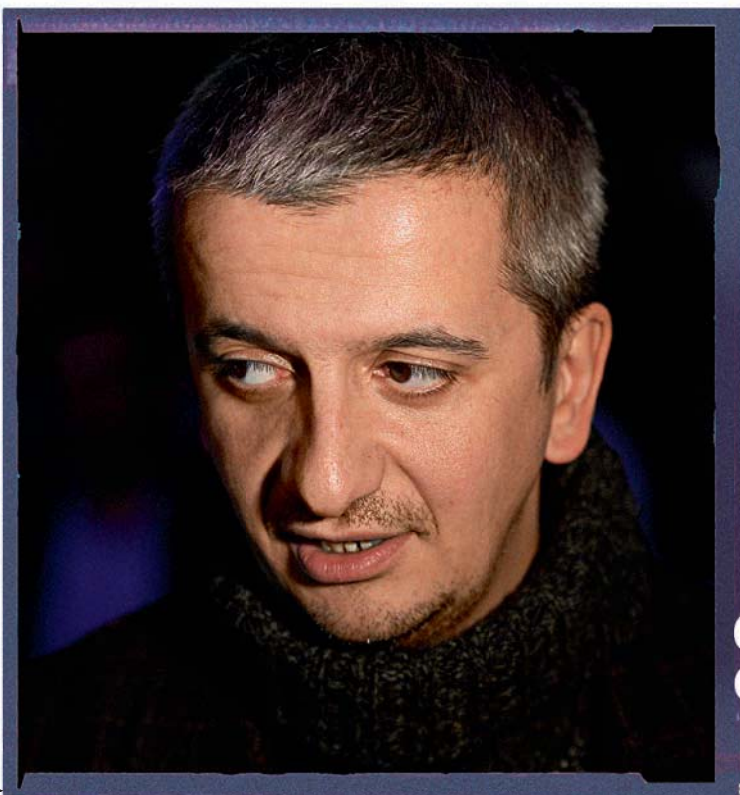
Jazz Massive или Shuya Okino, которых, безусловно, можно отнести к современному джазовому поколению. Такая музыка вступает в откровенную дискуссию с устоявшимися музыкальными стереотипами, и назвать ее джазом порой сложно, хотя и импровизация, и синкопированные ритмы налицо. Но мне нравится этот микс из разнотравных направлений джаза, который смело укладывается в авангард и может позволить себе даже отсутствие саксофона.

Я рассказал об этих двух направлениях джаза еще и для того, чтобы показать: величие джаза в том, что он может иметь абсолютно разные воплощения, быть и тем и другим и при этом оставаться джазом.

Это совсем не значит, что великий американский джаз как-то потускнел. Это из него все вышло, и он впитывает в себя все. Родившийся в абсолютно фольклорной новоорлеанской традиции, созданной черными музыкантами, не знавшими музыкальной грамоты, он захватил и поглотил европейскую музыкальную культуру. Эта генетика и породила уникальную способность джаза впитывать в себя поистине любые культурные формы, что и дает возможность абсолютной музыкальной свободы.

Например, кто сегодня самый мощный джазовый исполнитель в России? Денис Мацуев, величайший классический музыкант в своей первой ипостаси. Думаю, именно немислимая свобода и привлекает в джазе королей и королей классического исполнительского искусства, как и миллионы поклонников...

И ты слушаешь джаз, и тебе опять становится хорошо. **pl**

Я ничего не знаю о нефти

ТЕКСТ: КОНСТАНТИН БОГОМОЛОВ

Режиссер **Константин Богомолов** сравнивает нефть с кровью. В чью пользу это сравнение? Да, кажется, ни в чью. А если разобраться, то в пользу Константина Богомолова.

Я ничего не знаю о нефти
поэтому начну с крови
я сдавал кровь из вены
впервые
лет в тридцать пять, а то и тридцать семь
меня впервые проткнули — до того я был замкнут во всех смыслах —
и тут чпок!
так я вдруг обнаружил
что внутри меня течет что-то почти черное
течет, извивается по каким-то трубам
без цели по кругу
бегущая
кровь вдруг вырывалась и гасла
ненужная
теряя энергию в пробирке ИНВИТРО
ибо нужная она лишь там — внутри
а здесь — в миру — зачем?
у метерлинка есть пьеса
«там внутри»
слишком короткая
чтобы быть спектаклем
слишком прекрасная
чтобы
я смотрел на наполнявшиеся пробирки и думал:
кровь бессмысленна, когда ее мало
но когда ее много
когда она пропитывает и питает землю, как ливень
она вызывает не досаду — но что-то
ибо ибо
разрушение в промышленных масштабах обретает масштаб
я не лизал ее и не знаю вкуса крови
но смотрел и смотрел, соблазненный
своими собственными выделениями
и думал о нефтяниках в касках и с мужественными лицами
(я издеваюсь — не уверен, что это понятно)
отчего тягучая черная или бордовая субстанция так завораживает
так должна завораживать лава
раскаленная
ползущая, как туман
изо рта идущая кровь та же лава
и человек, захлебывающийся своей кровью, тот же вулкан
не подходи к нему
беги

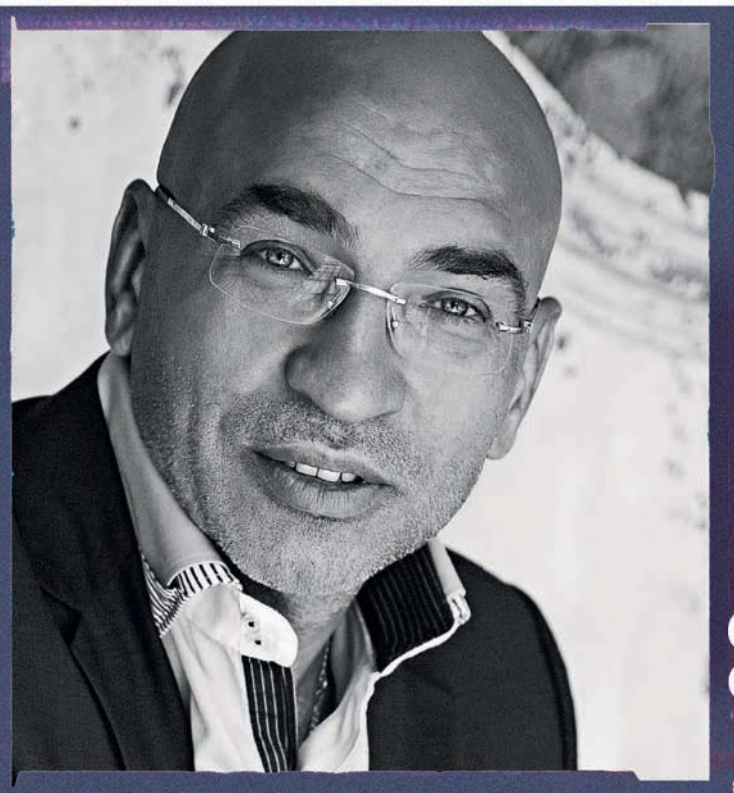
лола
беги
или лови
лови фонтан
не затыкай
но подставляй бадьи и наполняй их черной
тягучей субстанцией
бьющей из проткнутого горла земли
когда ей попали в вену
когда-то ей попадут в сонную артерию
и продавай ее в промышленных масштабах
и взлетай
когда-то выдающийся русский мультипликатор
возмущался в одной компании
увиденным мультиком западным
про «полицейского-г...», что как бэтмен
летал по небу и спасал людей
только вместо крыльев для подъятия в воздух
использовал струю г... из попы
и она обдавала толпу, восторженно
кричавшую ему:
«полицейский-г...! ура! он спасет нас!»
я ничего не знаю о нефти
кроме того, что она темна
и пахнет баблом
кроме того, что она продукт
распада органической материи
так учили в школе
она — исход чьей-то доисторической смерти
я ничего не знаю про кровь
кроме того, что она есть жизнь
я ничего не знаю про нефть
кроме того, что она — смерть
она — смерть — топливо жизни
она разгоняет
она ускоряет
сжигая
она дарит движение
и что же?
а то
что
так и есть
уничтожая, движешься
стирая, вымарывая, вытравливая, удушая
мы движемся вперед
разгоняем машины своих
жизней, карьер и тел
почти взлетаем на собственном г...,
вырывающемся подобно
переработанному топливу
из
и врезаемся

потому что не в силах контролировать скорость
и становишься покойником
я ничего не знаю про нефть
но что-то знаю про покойников
хоть и видел их раз-два и обчелся
а нефти не видел вовсе
знаю, ибо
имею дело с бумагой
кто говорит «ибо», говорил
мой учитель, тот лошадь
ибо, говоря «ибо», ты ржешь:
ибо-бо-бо-ибо-бо-бо!
будто лист бумаги покойник
на нем можно писать, как на свитке
а еще, высыхая, от тепла он сворачивается
трубочкой
так и писатель —
прозектор без трупа
и вот зажигаю свечу
поуютней устраиваюсь за деревянным столом,
на котором лежит якобы
мертвое якобы тело
обмакивая якобы перо в неясную прозрачную
дезинфицирующую
все на свете жидкость
погружаю его в якобы кожу
приставив зеркало к этой мысли
мы увидим писателя за работой
вот берет он лист бумаги, якобы белый,
как восковая кожа покойника
вот окунает перо (иной
смысл слова понятен читателю)
вот надрез совершает
и из надреза сочится Жидкость
чернила — или кровь
но что такое кровь
когда она сочится из живого тебя
попадая в пробирки лаборатории ИНВИТРО
и что такое кровь
выступающая из недавно живого
но вот уже мертвого тела
ей нечего двигать
некому давать энергию
она выползает наружу из надреза
словно топливо из поврежденного
бака сломавшейся машины
и бессмысленно заливает кафельный пол
не так ведь, нефть?!
не так ли? не так?
мы умираем
мы все умираем, и скоро
умрем, и превратимся в нефть

нам всем кирдык
а она
родная
она только начнет жить
и эти в касках
словно акушеры
и, кажется, они слышат,
как она пищит — младенец
и нежно баюкают ее в руках
и нет им дела до роженицы
ибо
ибо тело роженицы и должно быть измучено
и так далее, и тому подобное, и всякая эхохерь
собственно говоря, на этом
все мое рассуждение и заканчивается
будучи, подобно всякому дебилу
крайне ограниченным
в возможностях саморазвития
и довольно
я сделал что мог
я все всему уподобил
или уподобил
уподочедебил

*она разгоняет
она ускоряет
сжигая
она дарит движение*

и цедил
и сцедил я мысль свою унылую
из сосков головы своей, набухшей от коньяка,
на вечеринке нефтяного
магната выпитого
а читатель ушами, причмокивая, пил его —
молоко
молоко не нефть
молоко течет капля за каплей
сверху вниз
из грудей
питая
нефть
течет снизу вверх
словно
славно
лавно
лав
но
вышки словно пивявки
сосут и сосут **и**

Башни Трампа

текст: леонид крутаков рисунок: роман вечтомов

Журналист **Леонид Крутаков** недавно написал книгу про нефть. Он думает, что знает про нее то, что не знает даже она сама. Но знает ли он, что сделает с ней, например, Дональд Трамп? Кажется, что знает.

ПОБЕДА Дональда Трампа на президентских выборах в США вернула нас в прошлое. Глобальная экономика из заоблачных высот единого транснационального финансового рынка опустилась на землю — в мир промышленной политики и национального протекционизма. Неожиданно выяснилось, что межстрановая конкуренция за ресурсы все это время никуда не девалась, ее лишь пытались скрыть за программами совместного развития, устойчивого роста и экологического равновесия.

Мир вновь открывает для себя старые истины. Оказывается, пост-индустриальная экономика Центра не может существовать без индустриально развитой Периферии, а условием формирования и сохранения моноцентрической модели мировой экономики была и остается энергетическая самодостаточность США, достигаемая (прежде всего и в первую очередь) через контроль над глобальным рынком углеводородов. Дело в том, что исторически сырьевой центр всегда находился за пределами США, исключением стал короткий период господства на мировом рынке нефти Пенсильвании и «Стандарт Ойл».

После победы Трампа еще недавно актуальные разговоры о завершении века углеводородов, глобальном потеплении и низкоуглеродном росте потеряли смысл. Все предвыборные инициативы Трампа направлены на воссоздание индустриальной Америки и развитие традиционной (углеводородной) энергетики (рост добычи нефти, газа и угля). Парижское соглашение подлежит трансформации и списанию в утиль. Трамп заявил о пересмотре многочисленных программ ООН по поддержке экологии.

Война с углеводородами на поверку оказалась борьбой не с парниковым эффектом, а с конкурентами США, прежде всего странами БРИКС. Парижское соглашение — это еще один инструмент регулирования энергетического рынка с помощью глобального налога на нефтедобывающие и промышленные (не постиндустриальные) страны. В этом смысле реальный разворот США внутрь себя произошел не в момент победы Трампа на выборах, а в момент старта «сланцевой революции». Трамп лишь оформил его электорально.

Экологически разрушительная технология добычи сланцевой нефти позволила США резко нарастить внутреннюю добычу, достигнув к 2013 году, перед срывом мировых цен в пике, рекордных 12,304 млн баррелей в день. Тем самым были заложены основы для очередной смены экономической модели и созданы условия для

Дилемма выглядит очень просто: либо Вашингтон сам устраивает нефтяные скачки, либо в Белом доме знают что-то такое, что неизвестно другим участникам рынка.

перехода Америки от экспансионистской политики к стратегии сдерживания. Обвал мирового рынка нефти стал всего лишь побочным, но необходимым последствием роста внутренней добычи США. Ранее США дважды выходили на пик внутренней добычи нефти, и всякий раз это вело к кардинальному изменению механизма энергетического ценообразования и финансовой модели мирового рынка. В 1973 году, накануне войны Судного дня и «нефтяного эмбарго», Америка довела добычу до рекордных на тот момент 9,6 млн баррелей в день. А накануне шестикратного обвала цен в 1986 году (следствием чего стали жесткая кредитная посадка и последующий развал СССР) США установили новый рекорд — 11,192 млн баррелей в день.

Особо обращает на себя внимание тот факт, что рост внутренней добычи в США происходил не одномоментно, как форс-мажорный ответ на скачок нефтяных цен или эмбарго. Рост начинался загодя, происходил постепенно и впоследствии всегда снижался, что исключает версию оперативного (рефлекторного) реагирования на кризис.

Предварительному росту внутренней добычи в США без конспирологии нельзя найти логичное объяснение. Каждое потрясение энергетического рынка приводило к прямым выгодам для США. Дилемма выглядит очень просто: либо Вашингтон сам устраивает нефтяные скачки, либо в Белом доме знают что-то такое, что неизвестно другим участникам рынка.

В 1971 году, незадолго до «нефтяного эмбарго», США прекратили действие золотого стандарта и дважды девальвировали доллар на

25% по совокупности. Одновременно Америка нарастила импорт нефти, увеличив его за два года в 6 раз, до 6,5 млн баррелей в день. Рост продолжался и в ходе действия эмбарго за счет неприсоединившегося Ирана, при этом реализация иранской нефти на рынке шла через американские компании-концессионеры. В результате все издержки нефтяного кризиса оплатили промышленно развитые страны Европы и Япония.

Итогом «арабского» эмбарго стало закрепление за долларом статуса расчетной единицы энергорынка, а за США — статуса его главного оператора. Наступила эпоха так называемого нефtedоллара. Институционализована новая модель была созданием G-7 (клуба стран-нефтеимпортеров). Произошел переход от прямых поставок нефти к трейдерским, с 1973 по 1979 год их объем вырос в 5 раз, с 8 до 42% объема добычи стран ОПЕК. Институт трейдерства был способом встраивания (ассимиляции) в новую модель рынка арабских госкомпаний, национализируемых правительствами.

Параллельно со становлением института трейдерства шел рост спотовых (разовых) поставок нефти. В начале 70-х годов свободный рынок по отношению к долгосрочным контрактам составлял всего 1–2%. К концу 70-х он достиг 10–15%, а к 1986 году (очередной скачок внутренней добычи в США) — 50–55%. Произошла замена контрактного механизма нефтяного ценообразования на биржевой.

Если обязательства, под которые печатают деньги, воспринимать как сверхнадежный актив, тогда инфляция выглядит как рост экономики.

Биржевой механизм позволил провести масштабную игру на понижение в 1986 году через взрывное наращивание объема добычи нефти Саудовской Аравией с 2 до 10 млн баррелей в день. Игре на понижение, как и кризису 1973 года, предшествовала беспрецедентная девальвация доллара. Ставка ФРС была снижена в два раза (с 12 до 6%).

С 1986 года официальные цены ОПЕК перешли в разряд справочных, а на нефтяном рынке воцарился фьючерс. Объем торгов деривативами на бирже без обязательств поставок начал преобладать над объемом торгов товарной нефтью. Резкий рост торгов так называемой бумажной нефтью произошел сразу после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Биржевые спекуляции заняли 98–99% рынка, а объемы торгов физической нефтью опустились до 2%. Товарный рынок нефти превратился в один из сегментов глобального финансового рынка, а цена на нефть стала в большей степени зависеть от спроса и предложения денег.

Финансовый кризис 2008 года и запуск ФРС США программы количественного смягчения привели к тому, что нефтяные цены окончательно потеряли связь с товарным наполнением и лишились рыночного смысла (перестали служить ориентиром для проектного финансирования). На глобальном биржевом рынке рост ограничи-

вается не реальным объемом инвестиций в конкретную отрасль, а настроениями и ожиданиями.

В ходе трех программ Федрезерва, по разным оценкам, было напечатано от 4,5 до 14 трлн долларов под казначейские обязательства США. Фактически эмиссию провели под честное слово официального Вашингтона. Сразу после запуска «количественного смягчения» золото выросло на 20%, Доу-Джонс — на 50%, а нефть — на 100%. Рост продолжался на протяжении действия всех трех программ, при этом рост нефтяных цен был абсолютно синхронен росту ведущих биржевых индексов.

В сбалансированной экономике падение рынка всегда сопровождается ростом золота и нефти, так как деньги бегут в более надежные активы. А при росте доходности рынка, наоборот, цены на золото и нефть снижаются. При избытке ликвидности растет все одновременно, что с точки зрения здравого смысла называется инфляцией. Однако если обязательства, под которые печатают деньги, воспринимать как сверхнадежный актив, тогда инфляция выглядит как рост экономики.

Целое столетие (за исключением войн) цены на сырьевые товары в реальном выражении снижались в среднем на 0,7% в год. Низкая нефть нужна была для собственного промышленного проекта США. Только 20% стоимости очищенного барреля нефти идет странам и компаниям — экспортерам, остальные 80% формируются за счет

налогов стран-потребителей.

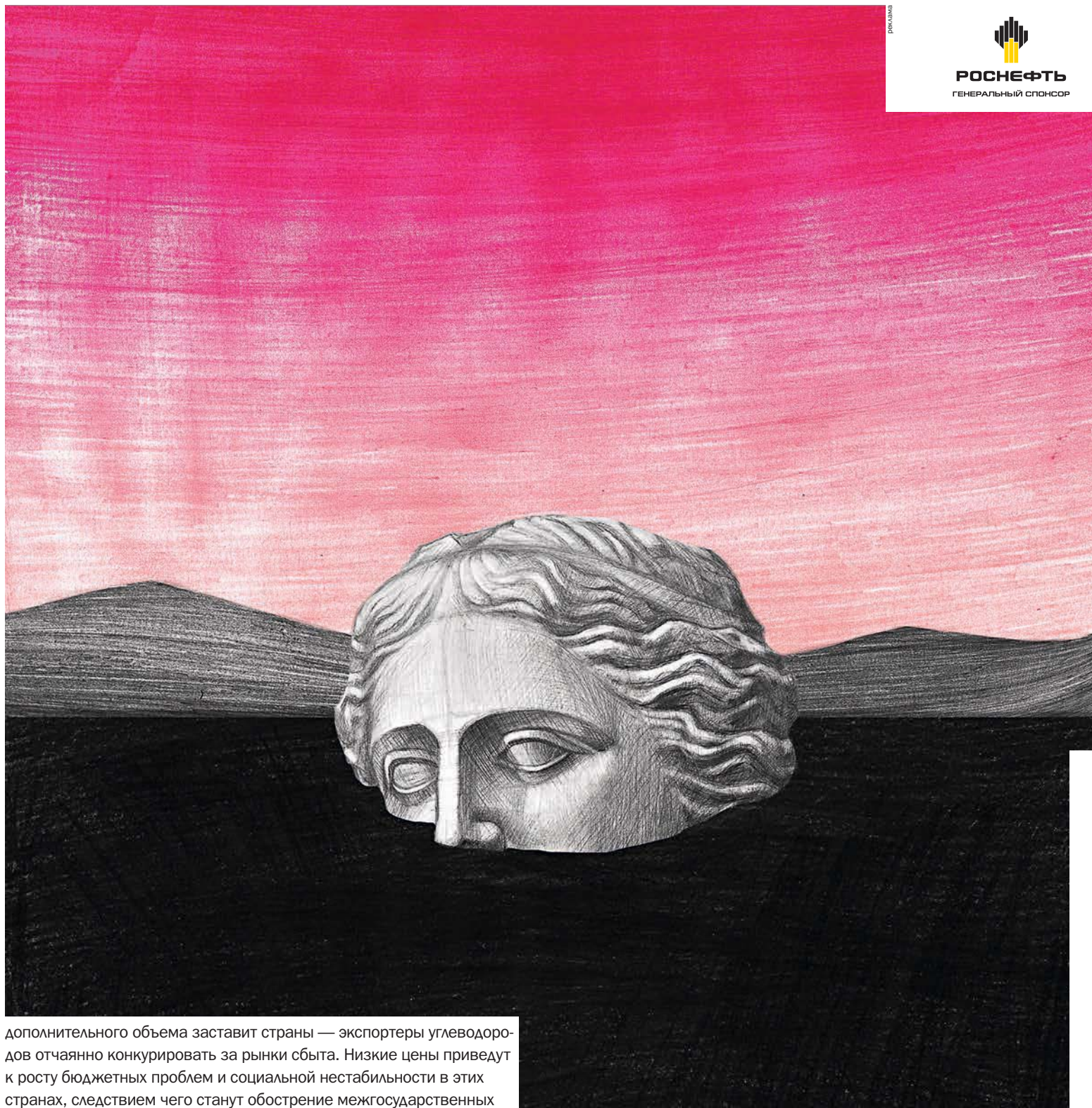
Высокие цены на нефть стали возможны после глобальных сдвигов в мировой экономике. Промышленность переехала в Азию, а развитые страны перешли на постиндустриальную экономику услуг. Баланс потребления углеводородов сместился в сторону развивающихся стран, которые

в итоге и оплатили рост цен.

Сегодня ситуация развернулась в обратную сторону. Глобализация в ее экспансионистском варианте сворачивается, Америка берет курс на восстановление промышленности в рамках политически подконтрольного ей пространства (Европа, Северная и Южная Америка), так называемого Большого Запада. Наращивание внутренней добычи в США неизбежно приведет к выдавливанию дополнительных объемов нефти на мировой рынок и снижению цен на энергоносители.

США являются единственной страной мира, которая обладает полным набором инструментов воздействия на рынок углеводородов. Третье место, после Саудовской Аравии и России, по добыче (8,6 млн баррелей в день по прошлому году), первое место по закупкам на мировом рынке (7,35 млн баррелей в день по прошлому году) и первое место по уровню стратегических и коммерческих запасов. На фондовом рынке у США подавляющее преимущество, пятерку крупнейших фондовых спекулянтов представляют американские инвестиционные банки во главе с «Голдман Сакс», а правила игры устанавливает и следит за их исполнением Комиссия по ценным бумагам и биржам США.

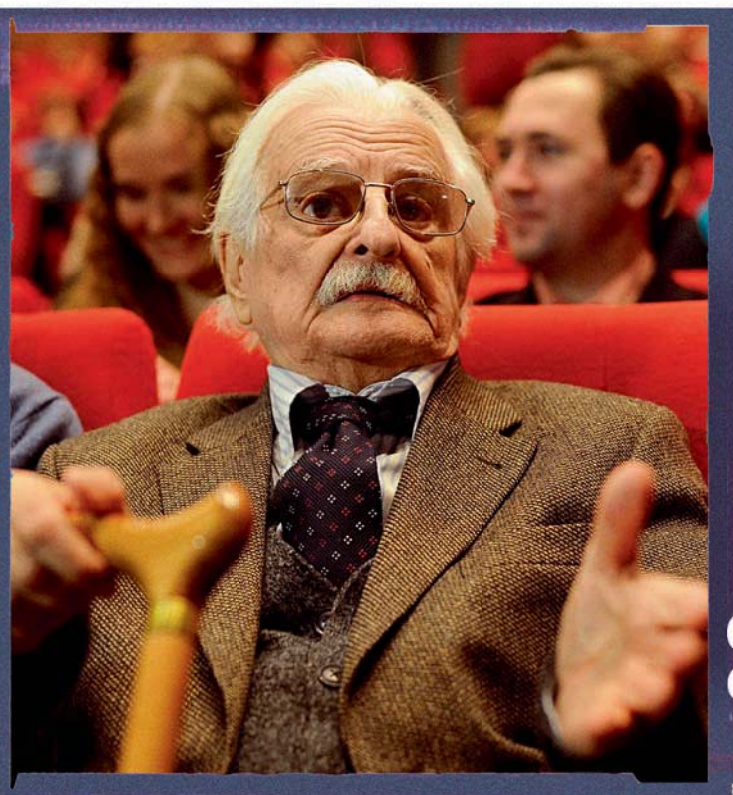
Если США увеличат внутреннюю добычу на 3–4 млн баррелей в день и снизят соответственно закупки, то появление на мировом рынке

дополнительного объема заставит страны — экспортеры углеводородов отчаянно конкурировать за рынки сбыта. Низкие цены приведут к росту бюджетных проблем и социальной нестабильности в этих странах, следствием чего станут обострение межгосударственных отношений и распад слабых государств по конфессиональному и национальному признаку, что мы уже видим сегодня на примере Ближнего Востока.

Тенденция будет только нарастать. Ключевой ставкой в новой игре на понижение является восстановление утерянного ранее прямого контроля над источниками сырья. Цена на нефть в очередной раз превращается в политически обусловленную величину. А процесс моделирования будущего из области совместных экономических проектов перемещается в сферу военно-политических решений.

Плохая новость для России заключается в том, что сырьевой рынок вступает в период низких цен до момента выстраивания нового энергетического ландшафта. Хорошая новость в том, что времени на решение задачи очень мало, ставки ФРС США находятся фактически на отрицательной территории. Девальвационный маневр отсутствует, фондовый пузырь давит на экономику Большого Запада изнутри, а искусственно сдерживаемые цены на нефть это давление увеличивают. **PI**

Кронид

текст: марлен хуциев рисунки: марина павликовская

Нефть творит с людьми чудеса.
 Режиссер **Марлен Хуциев**
 невольно, а может, специально
 подтверждает это.
 Легендарный, а может быть,
 мифический Кронид уехал
 на добычу одним человеком,
 а вернулся, в общем-то, почти
 другим. Таким он и запомнился
 режиссеру — другим, таким,
 между Джеком Лондоном
 и Федором Достоевским.
 А потом он вообще стал
 журналистом, Кронид.

СТРОГО И СТИЛЬНО. Черным по белому.

Нефть.

И все. Никаких мыслей. Согласился написать из спортивного интереса... Нефть... Ну что тут такого... Все только и говорят: нефть, нефть — по телевизору, по радио, в газетах пишут. И все умно, со знанием дела. Нужно отказываться. Это была первая попытка. Решил попробовать еще раз. Взял книги, иногда помогает. Погрузился. Общие сведения. Ни к чему все эти энциклопедии, энциклопедические словари... Всем это известно и неинтересно. Есть, конечно, кое-что... Нет, нужно отказываться. И сразу стало легко. Отложил «Краткий очерк истории геологии», завинтил колпачок Паркера. Ну не вышло... Ну что поделаешь...

И вот тут, как это всегда бывает, увидел знакомую комнату на Подсо-сенском. Солнечный день, окна открыты — и входит Некрасов Виктор Платоныч, Вика, веселый, в сине-белой ковбойке с распахнутым воротом, он что-то громко говорит, знакомит меня с крепким парнем в синей олимпийке, мрачновато-стеснительным.

— Познакомься, его зовут Кронид. Второй Исаич. Написал записки из «Мертвого дома» — повесть. Называется «Другие люди». В «Новом мире» полный восторг, но у них сейчас сам знаешь, какое положение... Посоветовали в «Юность». Вот по пути к тебе завернули... Чаю хочешь, Крон?

В.П. говорил и говорил, а тот, кого он называл Кронидом, подошел к книжному шкафу, оглядел полки, вынул небольшой томик и стал читать...

— Прямо из зоны — и повесть! Три года получил человек — ни за что!

— Четыре, — не отрываясь от книжки, негромко сказал Крон.

— А можно и сбегать за чем посущественнее...

Я заглянул, что за книжку изучает этот занятный с виду парень. ЛИБО.

— Вы любите японскую поэзию?

— Нет. Я не понимаю стихов. Но пойму. Это трудно. Но — пойму, — сказано было уверенно, сдержанно уверенно.

— Поймет, поймет, — подтвердил В.П. — Боксер, писатель... Просто Белый Клык... Парень железный.

И они ушли, унося ЛИБО. «Других людей» я не читал, и хотя повесть многие хвалили, в «Юность» ее не взяли. Крониду предложили написать очерк, спросили, куда бы он хотел поехать. Он выбрал Сибирь. Молодежную стройку.

Появился он через год. И в самый неподходящий момент, я бы даже сказал, трагический момент. Поясню. В доме проводили пробную топку. Дело нервное. Потекут батареи или не потекут? Выдержат трубы или не выдержат? Ну, это всем знакомое дело. Был у нас хороший водопроводчик, хороший — в смысле осторожный. Он отлично знал, что трубы старые, что батареи еле держатся, все гайки, все краны со свернутыми резьбами, — и он всегда давал один совет: ничего не трогать! Главное — кран, который регулирует температуру воды, — упаси бог! Он закрывал глаза и тряс головой. Мы не трогали. И ведь как-то обошлось все.

Но в этот раз пришел не он, а какой-то новенький. Он сразу взялся развинчивать трубу, сорвал гайку — вода брызнула тоненьким фонтанчиком, он рванул кран (не успели остановить) — тут уже полилось так полилось, да с паром!

Присутствовавший Шпаликов (мы писали сценарий) как-то тут же смылся. И тут появился Кронид.

— Я книжку занес, ну помните...

Он все увидел, все мгновенно оценил и начал действовать. Ловко и умело.

— Перекрыть воду, — велел водопроводчику.

— Перекроешь... Это на парадном, — заныл мокрый водопроводчик.

— Веди. — И взял его за плечо.

Все вышло удивительно быстро. Вода перестала течь, исчез фонтан.

— Ну, где я, там фонтаны. — Кронид вернулся, водопроводчика он не отпустил. Присел у батареи.

— Ключ дай. — Вывернул трубу. — Совсем резьба стесана. Давай новую гайку, давай новую трубу и кран новый тоже давай!

— Где возьму... — заныл водопроводчик, — тут надо... новую резьбу нарезать... станка нет...

отдали в дом 16...

— Пошли, — коротко сказал Кронид, — это, друг, все несложно.

И действительно, все получилось.

— А краска есть? — спросил Кронид, затягивая гайки.

— Откуда? — Сантехник развел руками.

— Ты муфту подтяни и пакли не жалей... Что ж, с ржавчиной этой жить людям? Вот, работает кран, как положено работает. А ты говорил...

И они снова ушли.

Нашлась и краска. Трубы, батареи были покрашены в белый цвет, пол вымыт — комната помолодела, как после ремонта. На меня все это произвело сильное впечатление.

— Я сам сантехником в Киеве работал, — пояснил Кронид. — И в колонии. И на буровой почти то же самое. Дело это мне знакомо... Мне бы позвонить...

— Здоровый антисемитизм в традиционных своих формах, конечно, имеет место быть... А так — замечательные ребята... — говорил Кронид.

— Это понятно, ты-то как? — спрашивал Некрасов.

— Нормально. Спрашивают: Крон, ты по национальности как? Еврей по национальности. Брось ты... это самое... мозги нам... это самое...

А так — вахтовым методом.

— Крепко холодно.

— Есть такое дело. Ничего. Привык... Не поехал я ни на какие молодежные стройки... Поглядел на буровые — красиво! А вокруг тундра, местные на собаках ездят... Познакомился с ребятами... Такие ребята... Тут таких нет... Почти все через зону прошли... В общем, как домой попал... Работяги — все по-честному... Друг — друг, враг — враг! Вот такая жизнь... да... По мне такая жизнь.

— И на собаках ездил?

— Конечно. Что на собаках — мамонятину жареную ел! Жестковато, но есть можно.

— Да ладно!

— Ел. Там это рядовое событие. Вечная же мерзлота вокруг! Ножи ваши охотничьи не выдерживают, крошатся на морозе... Там... — Нагнулся, вынул нож из-за голенища: лезвие — рессора от пятитонки, ручка — бивень мамонта.

— Ну-ка, — Некрасов прикинул нож и так, и эдак, — хорош, хорош! У меня эсесовский кинжал. Всю войну с ним прошел, из Сталинграда, три банки тушенки дал за него... Ты же видел? Нет, этот поприемистей будет...

— Дарю.

— Да ладно...

— У меня еще есть.

— А с лагерями там... как?

Он отлично знал, что трубы старые, что батареи еле держатся, все гайки, все краны со свернутыми резьбами, — и он всегда давал один совет: ничего не трогать!

— Имеются. Вот приехал в институт поступать, в нефтяной. В Губкина, на заочный.

— А писание?

— А чего с ним сделается.

— Писал?

— Писал. Повесть новую привез.

Ушли они на рассвете.

К поступлению в институт Крон (я буду его так называть, ему нравилось, что-то вроде иностранное) отнесся основательно. Пошел по букинистическим, скупая нужные книги, а потом уехал заниматься на дачу к каким-то некрасовским приятелям. Им сторож нужен был.

Месяц его не было.

Появился и сообщил, что с институтом раздумал. И объяснил почему. На даче — это была писательская дача — было много книг.

— Вот так: Достоевский полный, собрание сочинений, а напротив — Джек Лондон, тоже собрание. Вот так и ходил — от одного к другому. Читал. От одного трясет, от другого трясет... Ты читал Лондона «Тысяча дюжин»? Я раньше не читал... Прочел — день как в чаду... Какой институт? Формулы зубрить?

Хозяин дачи с восторгом отдал собрание Лондона Крону. Крон собирався отвезти его ребятам на буровую. Но оставил у меня. Сказал, что

витамины там важнее. Вот он, Джек Лондон полный, в коридоре стоит. Повез он «домой на Север» какое-то невероятное количество разнообразных цитрусовых, закупленных на Центральном рынке.

— Нефть — это черная кровь цивилизации! — прощаясь, сказал мне Крон. — Еду собирать материал для романа. Для настоящего!

О чем я думал, общаясь с Кроном, — этот человек совершенно не соответствует времени, в которое ему выпало жить. От этого его неуклюжесть, прямолинейность, задиристость. Ему трудно будет, и все труднее и труднее. Он будет сопротивляться, он упорный. Ну и что из этого выйдет?

Пришла телеграмма: «Срочно нужен Ветхий и Новый Завет. Отослать... (адрес прилагался). Крон».

Я так и думал. Потом потребуется Ницше. Ну, значит, самородок.

Крон — самородок, а иметь дело с самородком ох как непросто. И все подтвердилось.

Он стал журналистом. Окончил курсы, издал в местных издательствах несколько тоненьких книжечек. Потом объединил их в одну толстую и издал ее уже в Москве. «Камчатка в сердце моем». Его приняли в Союз писателей. С Некрасовым он разругался.

Крон регулярно в конце июля — каждый год — приезжал в Москву в от-

Много лиц — они заполняют весь экран, — нефтяники. Титр — Хозяева страны».

В этом сценарии было все: лагеря, восстания в лагерях, бородатые мужики с ножами за голенищами, северное сияние и буря над Ледовитым океаном, китобой, чудовищная пьянка сошедших на берег моряков, драки, староверы и непорочное зачатие. А в конце герой находил Беловодье и стоял, одинокий и сильный, на каком-то высоком берегу, а внизу громоздились скелеты мамонтов и не только. Так и было написано: скелеты мамонтов и не только. Я не выдумываю.

Это не было пародией. Вот в чем дело, но все равно я не знал, что говорить, как к этому относиться. Крон позвонил через два дня.

— Ну? — спросил коротко.

— Знаешь, я, наверное, не все понял...

Трубка хмыкнула.

— Много слишком сложного, но это, скорее, поэтическое кино...

— Ты понял главное... Возьмется Тарковский?

— Не знаю...

— Ну и... с ним. Я тут одного парня нашел на курсах, на высших режиссерских, мне никакой Тарковский не нужен теперь... Мы завтра уезжаем в Малеевку режиссерский сценарий писать...

Но, видно, не задалось...

Знакомый хрипловатый голос в телефоне:

— Свободен? Жду на Сретенке. Познакомлю с одним человеком — не пожалеешь...

Человек, с которым я должен был обязательно познакомиться, обитал в подвале на Сретенке, в переулке. Не жил, жил он в другом месте, а именно обитал. Здесь, в подвале, за железной дверью было его хранилище. Он был приемщиком в букинистическом магазине,

был очень знающим книжником и откликался на нехорошее слово-кличку — на обращение Бук.

— Вот, — сказал Крон, — Пантелей Спиридоныч, для друзей — Бук.

Я бы даже сказал — Большой Бук. Между прочим, герой нашего времени, которого все ищут и не могут никак отыскать...

Пантелей Спиридоныч отнесся ко всему этому спокойно, как к должному.

— Ты думаешь, тут что? — обвел Крон заставленный шкафами подвал. Шкафы все были закрыты. — И это так... Главное... Правда, спрятано почище Янтарной комнаты...

Крон вдруг куда-то заторопился и исчез.

— Восторженный человек, — покачав головой, сказал Бук, — ну, какой есть, но цельный, настоящий... Вы не согласны?

Я был согласен.

— Основное мое занятие — книги. Не хвастаясь скажу: могу достать все. Составьте мне списочек... Но не это главное... Я, видите ли, собираю рукописи... воспоминания... письма... Сейчас это никому особенно и не нужно. Но когда НАСТОЯЩЕЙ России понадобится настоящая история, История с большой буквы, иначе говоря — Правда, мои труды будут востребованы. Не обнимаю необъятное — только двадцатый век. Ведь людям свойственно хотеть сохранить хоть строчку касаясь себя,

Когда НАСТОЯЩЕЙ России понадобится настоящая история, История с большой буквы, иначе говоря — Правда, мои труды будут востребованы.

пуск. И вел себя буйно. Ругал всех, потому что все врут. Писатели пишут о том, что никому не нужно.

— Трифонова все тут превозносите, — интеллигентские побрякушки.

Я вот тут зашел в ЦДЛ. Сiju, курю трубку. А напротив — Евтух. Нас Вика когда-то познакомил. Он смотрит на меня и говорит: «Я всегда завидовал людям, курящим трубку. У них такие значительные лица». — «А некоторым лицам никакая трубка не поможет», — это я ему. Хотел морду набить, раздумал... Как вы тут живете?! Кстати, я тут сценарий написал, про нефтяников — тема сейчас очень нужная. Только нужен хороший режиссер. Покажи Тарковскому. Я тут Ваське Шукшину звонил, я ему электрокофеварку японскую привез, на батарейках, и два блока сигарет японских... Ну, дал сценарий почитать... Ну, он прочел... Не могу, говорит, другие планы. Разин у меня... Вот что значит пить человек бросил... Другой человек, говорить не о чем... Ну, пусть кофе пьет... Это дело спокойное! Ты прочти. Может, подскажешь что толковое, — хохотнул, — злой я чего-то... Людей нет... Есть, правда, один... анти-иресный дядечка... Я его приведу — познакомишься... Не пожалеешь...

Сценарий назывался «В понедельник дождик шел дважды». Начинался он так: «Рука, большая, рабочая... Крупно. Еще рука, грязная, с черными ногтями... Много рук... Лицо. Чумазое, счастливое. Еще лицо.

своей жизни, своих мыслей... Нет, я не принадлежу к подвиду инакомыслящих, проще говоря, диссидентов. И я их не жалею, и они меня... Вы ведь это подумали? Подумали, подумали! А Кронид заинтересовал меня... Он много ездит, многое видит, — а уж как он это записывает... не имеет значения. Он неплохо расширил мое собрание, касающееся северных лагерей. Много, конечно, мифотворчества... но как без

этого? Главное — материал. Отсев будет потом. Вы генералом Власовым не интересуетесь? У меня имеются довольно интересные воспоминания рядовых РОА. Понимаю, сейчас не время... Время придет... Так же, как все, что касается геологических изысканий, довоенных и послевоенных... О! Это тема. Кронид... А вот и он! Крон явился сильно нагруженным.

— Хоть посидеть перед отъездом с хорошими людьми! Ну, понял, какого человека я среди вашего мусора отыскал? То-то! Ты спроси, чего, кого он не знает! А с виду — бухгалтер... Как мой папаша — главбух Генического треста бань и парикмахерских... Покажи, покажи ему, что тебе Светлов написал!

— Не стоит... Ни к чему.

— Покажи, прошу!

Хозяин подвала достал из кармана связку ключей, отпер шкаф, достал конторскую папку, развязал тесемки.

В папке лежал листочек в клеточку, косо, неровно оборванный:

«Бук! Ты гений чудиков!

Ручаюсь в этом.

М. Светлов.

Время, дата, Сретенка».

— Понял? — Крон ткнул меня локтем. — И Буком его тоже Аркадьич прозвал! Тут к нему... не буду фамилии называть... ходит один, мастер лирической прозы. Знаешь, чем этот мастер всю жизнь интересуется? И совсем не тем, о чем ты подумал! Людоедством он интересуется! Людоедством и людоедами! А у Спиридоныча есть кой-какие материальчики, кой-какие мемуарчики... мы не знаем откуда и не спрашиваем — не есть! Вот и читает тонкий лирик и слюни пускает!

— А что я должен был подумать, Крон?

— Протоколы сионских мудрецов! — хохотнул советский Джек Лондон.

— Мерзлота... Ее бурят... А там два километра проковырять-то всего...

Время в подвале тянулось как-то странно, нереально. Это потому, что пространство замкнутое и окон нет.

Крон вывалил на стол закуску, расставил бутылки.

— Ты слышал, что приятель наш за кордон подался?

— Слышал.

— Вот тебе и Вика, вот тебе и окопы Сталинграда...

— Значит, гадом он оказался...

Крон мрачно смотрел в угол:

— Где тут моя бутылочка?

Хозяин достал и поставил на стол бутылку с какой-то черной жидкостью.

— Ты когда-нибудь нефть видел? Ну, вблизи, близко?

Он открыл бутылку, набулькал себе полстакана:

— Полюбопытствуй!

Жидкость была черная, маслянистая, пахла землей и керосиновой лавкой.

— Ну, будем! — Кронид, не торопясь, выпил полстакана нефти, закусил ложкой черной икры: — Еле нашел... В «Национале» брал...

— Мерзлота... Ее бурят... А там два километра проковырять-то всего... Моря этой субстанции органической. Одни считают — органической, другие, их меньше, у них другая какая-то теория... Но, по всему, правы те, кто считает органической... Это значит, миллионы лет тому назад

была на Земле какая-то жизнь, миллионов сто, — была, перегнила...

И теперь войны из-за нее, природа гибнет из-за нее, про людей — эвенков, самоедов всяких — и разговору нет... Как же! Черная кровь цивилизации! А вот сдвинется ось, столкнутся карстовые или еще какие-нибудь там платформы или метеорит прилетит, и хлынет вся эта субстанция всей своей органической мощью наверх, вот потоп-то будет... да еще спичку кто-нибудь кинет... Это уже не откровение Иоанново будет... Будет хуже... Будет Планета Табака... — Крон зло рассмеялся. — Но перед этим Ангел протрубит — и встанут из вечной мерзлоты беззубые, в телогрейках с номерами, их там много... дивизии... да что... корпуса, армии — они первые встанут... и спросят: «Ну как вы тут? Пили, ели, нефть качали? А чего достигли, чего добились?» Судить их не будут, их уже судили... А сценарий мой тебе не понравился... Правильно! Я новый напишу — настоящий! Верить?

— Верю. — А что я мог ему сказать...

Прощались уже ночью у метро.

— Не понравился мне твой Бук, — сказал я. — Не то тут что-то... Или то... самое.

— Да ладно, — Крон вдруг задумался, — брось... Не похоже... Не должно... А там черт его знает... Не поймешь... Да мы вроде ничего такого... Он Солженицына хочет разоблачить... и Шолохова... Подумаешь, нефть пили, делов-то...

Крон появился через год...

— В Монголии был, с геологами, нефть искали...

— Нашли?

— Нет, а должна быть... В Китае вот есть, и в Монголии должна... Тут другое... Ты про Унгерна-Штернберга слышал?

— Слышал... не подробно...

— Диктатор Монголии в Гражданскую — фигура! У них, в Монголии, ну когда советскую власть установили, стали монастыри уничтожать... Знаешь зачем? Мальчонку искали... Ну, как Ирод... Избиение младенцев... Мальчонка — сын этого самого Унгерна и какой-то принцессы китайской. Только ламы его спрятали... Там такие степи — хрен найдешь... Так вот, я его видел... И даже сфотографировал... Они не разрешают... Но я с верными людьми был. Я все записал... Вот, привез Буку на сохранение. Это его дела...

Появился он через несколько дней. Растерянный. Сел, все никак не мог раскурить трубку, ломал спички.

— Там ничего нет, — сказал тихо. — Нет подвала... Не мог я спутать...

Я хорошо помню... Ничего нет... Крутился, крутился... Потом в букинистическом, ну знаешь, на углу, спрашивал... Никто никакого Бука, никакого Спиридоныча не знает... И смотрят как-то странно... Это как понимать? Посидел и ушел.

Больше мы не виделись. Были кое-какие общие знакомые.

Я спрашивал:

— От Крона что-нибудь есть? Где он? Что он?

Никто ничего не знал. Пропал человек, бывает...

В каком же это было году?

Кажется, 99-м.

«Свободу», «Голос Америки» уже не глушили... Включил приемник — знакомый голос с хрипотцой. И читает что-то знакомое... Про нефть, про мерзлоту... про лагеря... Крон! Он читал свой сценарий, тот самый, «В понедельник дождик шел дважды». Ведущий представил его как

известного писателя, друга Шукшина и Некрасова, человека трудной судьбы, моряка, золотоискателя, этнографа, нефтяника.

— Сейчас с особой остротой ведется дискуссия: нефть — благо или проклятье человечества... А каково ваше мнение, Кронид Рувимович?

И знакомый голос:

— Нефть — это черная кровь цивилизации. **ПН**